

Издательство «Эксмо» пообещало «удивить» читателю новым романом «Единственного и Неповторимого». Сомневаюсь, что в наши дни есть, нечто, что может удивить, и даже, по мнению О. Аминовой, «*рассмешить* и самого угрюмого критика, и даже далёкого от интеллектуальных изысков читателя», но всё же... В первый день появления книги в Петербурге *по традиции* иду её покупать из боязни, как бы не опоздать *посмеяться* в весьма драматические дни нашей страны: и Украина, и санкции, и гибель самолёта с разведчиками, и кризис, и растущая инфляция, и грядущая (не дай бог!) война, не холодная, а по-настоящему горячая... «Смеяться, право, не грешно»... Но как бы ни сбылись слова Городничего из «Ревизора» Гоголя (автор, естественно, появляется на страницах романа о тайнах Фудзи, правда, только в виде памятника): «Чему смеётесь? Над собой смеётесь!».

Читаю и перечитываю порой. Роман традиционен для В. Пелевина и одновременно не совсем традиционен. Не отходя от своей творческой манеры поиска аналогий между прошлым и современностью, автор не пропускает мимо своего взора ни одного мельчайшего события из жизни не только России, но и всего мирового сообщества. Кстати, не потому ли в последние годы В. Пелевин выпускает свой «ежегодник» – один роман в году» – в конце третьего квартала (раньше они выходили весной), чтобы не упустить какие-либо важнейшие события вроде «чёрного августа»? Но это к слову. Роман не совсем традиционен в том, что главной героиней является не лисичка А Хули, не Великая Мышь, а обычная русская девушка Таня, естественно, красавица, причём отнюдь не «душевной красотой», спрос на которую в наши дни «примерно такой же, как на ёлки после нового года». Не совсем традиционно в отечественной литературе и имя героини – Таня: после пушкинской Татьяны Лариной оно нет-нет да и мелькнёт то у двоюродной бабушки главного героя в романе Гончарова «Обрыв», то у горничной в рассказе Бунина, то ...его носительница громко заплачет у Агнии Барто. Правда, аих *parenthèses*, среди немногочисленных рецензенток, авторов статей на сайте В. Пелевина, *две* Татьяны!

Но чтобы главной героиней – это совсем редко, отнюдь не стандартный приём.

В романе Таня появляется не в пору её расцвета, а уже в период «второй свежести», с приобретёнными двумя десятками килограмм лишнего веса, недовыщипанной бровью и перспективой, что волшебная карета красавицы станет «тыквой, катящейся по земле к утилизационному рву в компании других несвежих и побитых жизнью овощей». Ей не удалось, несмотря на шанс, стать «трофейной женой» олигарха: «время было мерзкое, и пришлось сыграть по-мелкому». О «кармической жене» и говорить не приходится: «этим ухмыляющимся загорелым тёткам (к тому же «старым, толстым, непривлекательным» – Т. Л.) не надо было бороться за место под солнцем. Они его заслужили. (...) линии судьбы, соединяющие их с мужьями – надёжные и прочные узы, любая попытка порвать которые вела прямо в лондонский суд. Ибо, как было сказано, *за каждым успешным мужчиной стоит любовь женщины*, и британские юристы отлично умеют переводить эту максиму на язык конкретных цифр» (с. 55). Пока ничего смешного не видно. Не потому ли плачет Таня в романе вслед за героиней Агнии Барто?

Мужчины – герои романа – куда более успешны. Их трое. Это олигархи, правда, вошедшие в список *Forbs* под разными номерами. Пелевин исторически точен в своих аллегориях: в верхних строках списка фигурирует Юрий Соломонович Шмуклер, несколько ниже его Ринат Мусаевич Сулейменов, и совсем уже в конце страницы миллиардеров – Фёдор Семёнович – бывший одноклассник Тани, называемый «ушлёпок» Федя, и её печальный Пьеро. Это олигархическое трио, весьма успешно выжившее в разборках кровавых 90-х годов России и, пользуясь аллегорией Пелевина, ползущее улитками по горе Фудзи, но ещё не достигшее её вершин, пресытившееся всеми доступными им радостями, вдруг озаботились *поисками счастья*. И на страницах романа появляется менеджер из Сколково Дамиан Улитин (не Демьян, хотя аллюзия с «Демьяновой ухой» весьма допустима), обслуживающий список *Форбс* стартапом «Фуджи И», «Расшифровывается – “Fuji Experiences”». Вот эти эксперименты один за одним и будет проводить Дамиан с олигархами, дабы познали они «блаженство».

Пелевин не был бы Пелевиным, если бы не акцентировал внимание читателя на стартапах Сколково. В ответ на вопрос Фёдора Семёновича, «рассказать, как там “стартапится”, Дамиан решительно сказал: «... девяносто процентов всех стартапов – это чистой воды кидалово. (...) их начинают с одной целью – создать ви-

димось движухи, чего-то такого многообещающего и рвущегося в небо, и сразу, пока никто не разобрался, эту видимость продать. Продают в таких случаях, по сути, презентацию с картинками, файл программы “power point”, а деньги берут настоящие. (...) То есть люди с самого начала думают не над тем, как повернуть рынок, или хотя бы предложить людям новый продукт или там услугу, а над тем, как склеить эффектное чучело. (...) Можно бюджет пилить, а можно на стартапах поднимать. Суть одна и та же».

Смешно? Отнюдь нет. Откроем хотя бы Интернет: «Проверка Счётной палаты показала колоссальные финансовые злоупотребления в “Сколково”». Да и можно ли было ожидать чего-либо другого, когда председателем ОАО «Роснано» является Чубайс? Увы, ответ однозначен.

Но вернёмся к практике постижения счастья в стартапе Дамиана. Для начала – это хорошо известная со времён Фрейда практика психоанализа. Цель стартапа Дамиана, как отмечено выше, не изобретать что-то новое, а продать старое, приукрасив его свежими фиговыми листиками. Продажа удалась, правда, это самая дешёвая практика. Нереализованная в юности возможность, рождавшая неудовлетворённость в душе «ушлёпка» Феде, в течение жизни закрылась, хотя и не принесла ему ожидаемого счастья. А что до страданий униженной и оскорблённой в своих ожиданиях Татьяны, так они были оплачены. Рынок есть рынок. Но олигарх Фёдор Семёнович хочет-таки счастья, причём не сильного, слабого, мимолётного, нечаянного, а *высшего*. И вот здесь всемогущий сколковец направляет всё трио в буддизм, для освоения техник медитации с последующим просветлением.

Увлечение буддизмом стало весьма модным в сферах власть- (то бишь деньги) имущих. Даже Герман Греф «выписал к себе индийского гуру на собрание менеджеров». За Грефа не поручусь, – не знаю, но увлечение Виктора Олеговича восточными религиями достаточно широко обсуждалось в литературе и мировой паутине. Антиклерикальная направленность его произведений общеизвестна, именно ему принадлежит термин «воцерквлённые говнометатели». Но пришла пора дать оценку и буддизму. И он её вкладывает в уста Фёдора Семёновича (стр. 117): «...какой Господь, это же буддизм. Там ни Бога нет, ни чёрта. Или чёрт всё-таки есть? Чёрт у них вроде есть, а Бога нет. Нормальную религию придумали индусы. *Оптимистичненько...*» (Курсив мой – Т. Л.) Воистину оптимизм перехлёстывает через край. И, тем не менее, перед каждым из олигархов возникает лысый – тибетский монах с мис-

кой для собирания еды и зонтиком в руках, проводник в джану – страну просветления и обретения счастья.

Не буду описывать ни технические приспособления – эмо-па-нограф, шлем, – ни методику работы тибетского монаха с переводчиком, появившегося у каждого из олигархов. Отмечу только их пронизательность, во всяком случае у монаха саядо Ана, сразу поставившего диагноз Фёдору Семёновичу: «Ваш ум, – сказал он, – находится в состоянии постоянного нервного бурления нечистот...» (с. 118). С этим трудно не согласиться, зная историю многострадальной России в пере- и постперестроечный период. Откуда тут взяться чистоте? Но желания посмеяться как-то снова у меня не возникло. Не вызвало у меня желание посмеяться и описание буддийских практик Фёдора, его вхождения в нирвану. Этот *памфлет*, написанный яркими, крупными мазками постмодернистской живописи с включением тончайших лессировок при изложении философии буддизма, читатель прочтёт, надеюсь, с не меньшим удовольствием, чем я. Троица олигархов таки дошла до четвёртой джаны, где даже отдыхает, хотя Ринату «страшновато иногда делается. (...) Как будто я в храм забрался и шашлыки в нём жарю» (с. 143). Опасения Рината оказались не напрасными: в отличие от просветлённых лысых соратникам не удавалось самостоятельно проникнуть в четвёртую джану, а монахи покинули их. Пелевин, блестяще зная психологию капиталиста со времён Карла Маркса, со всем присущим ему саркастическим остроумием отмечает, что Юрий Соломонович во время нахождения в четвёртой джане, «где можно так аккуратно заглядывать во всякие вопросы», постиг, что биток (криптовалюта биткоин – *Т. Л.*), поднявшийся с 6 до 18 тысяч, «дальше он вниз пойдёт. И всё продал». «Я (Фёдор Семёнович – *Т. Л.*) понял, о чём он говорит. Действительно, если Юра отмочил такой номер, честь ему и хвала – но что тогда мешало самим монахам вложиться в биткоин. А они ничего подобного не делали, вместо этого работали у нас чем-то вроде экскурсионных пони» (с. 210–211). Да, монахи неподкупны, свято соблюдают запрет «на использование магических сил в мирских интересах». Им не надо другого имущества, кроме миски и зонта. Для подтверждения этого тезиса Пелевин цитирует песню «Русская нирвана» БГ (для непосвящённых Бориса Гребенщикова – *Т. Л.*): «На что мне жемчуг с золотом, на что мне art nouveau; Мне кроме просветления не нужно ничего». И Виктор Олегович выносит приговор буддизму, естественно, вкладывая его в уста самого бедного из просветлявшихся олигархов Фёдора: «Я понял, наконец, кем на самом деле был Будда.

Он был дилером. Да-да, самым настоящим дилером – и за ним повсюду ходила ватага изошрённейших и опытнейших торчков, которых он подсадил на самый изысканный и тонкий кайф в мире.

Никто из этих людей не работал: они жили в тёплом климате, собирали бесплатную еду, поглощали её до полудня – чтобы больше времени оставить себе на медитацию – и ежедневно погружались в этот резервуар счастья... А говорили при этом о страдании... (...)

И ещё Будда был великим хакером. Только хакнул он не сервер Демократической партии с ушами от мёртвого осла (Намёк, надо полагать, не нуждается в специальном разъяснении – *Т. Л.*), а самый совершенный компьютер, который природа создала за пятнадцать миллиардов лет. Он хакнул человеческий мозг» (с. 215).

Вот и вся «философия» буддизма. Коротко и ясно. И если верить Станиславу Гурину, что Пелевин «подолгу жил в буддийском монастыре в Южной Корее», т.е. познавал буддизм *изнутри*, то сразу невольно вспоминается история Лео Таксиля с его «Забавной библией» и «Забавным Евангелием». Он, поработав в архивах Ватикана, написал первую книгу, после чего был изгнан, через некоторое время покаялся, его простили, он снова поработал в архивах и повторил первый подвиг, правда, после него он не был прощён. Не знаю, будет ли возвращаться Виктор Олегович в буддийский монастырь, увидели ли просветлённые монахи эту книгу, но... аналогия, как мне кажется, имеет место быть.

Но вернёмся к несчастным олигархам, после просветления потерявшим своё «Я» и заболевшим «правдой жизни»: монахи ушли, самостоятельно проникнуть в четвёртую джану герои романа не могут, вместо просветлённого счастья – тьма и мрак и превращение в «иллюзорную личность»: «Был Ринат из списка “Форбс” и всё. Тело живёт, бабло на счетах, бизнес работает, а самого главного уже нет. Да это ведь хуже инсульта! Там будешь хоть и парализованный, но ты сам и с бабками. А здесь...» (стр. 246). Драматические страницы описаний терзаний героев романа, их страдания не только не вызывают желания хотя бы улыбнуться, отнюдь нет. Скорее даже некоторое сочувствие рождается к бедолагам, у которых остался только страх, ощущение, что они проваливаются в какую-то бездну. Но в рыночное время предусмотрительного бизнесмена должен спасать контракт. В контракте Юрия «лечение» предусмотрено. А уж как «лечить», – это забота менеджера и автора, естественно. Неуёмная фантазия Пелевина приведёт на страницы романа и профессора-буддолога, философски отме-

тившего, что раз есть путь вверх к ниббанае, – метафора улитки, ползущей по склону горы Фудзи, – то «должен оставаться и путь вниз. (...) Сверзиться, так сказать, назад в пучину омрачений, из которых перед этим удалось вынырнуть». В специальных программах и процедурах «лечения» олигархов, составленных Генеральным Экзекутивом Дамианом Улитиным, детально описаны основные догматы буддизма от «Пяти неискупимых грехов» до «Десяти заповедей буддизма». Пелевин не только саркастически излагает их сущность, но фактически издевается над применением буддистских практик в наше рыночное время, заканчивая описание каждой процедуры сакраментальной фразой: «Стоимость и сроки уточняются». Олигархи понимают, что Дамиан и тут хочет нажиться, «надеется попилить», но относятся к этому с пониманием: «Ну, а кто тебе сейчас без пилы что-то делать будет?» (с. 308). Увы! Каждый божий день СМИ открывают информацией о новых и новых распилах российского бюджета.

Предоставлю читателю возможность самому ознакомиться с методологией «лечения» и трудным путём вниз по склону. Как говорят французы, *cherchez la femme*, тем более в наше время яркой вспышки мирового феминизма. Естественно, что Пелевин не мог пройти мимо движения МЕТОО, движение за достоинство и неприкосновенность женщины в Америке. Татьяну, после трагической встречи с Фёдором спасает не идеологема девок на картошке, что «мужики сволочи, а счастье в труде», а обращение к феминизму.

Надо сказать, что идеи феминизма периодически мелькали в творчестве Пелевина и раньше, например, в «Смотрителе» он утверждал: «Древний адамов грех не просто жив – он увлекает нас в бездну ежесекундно». Но в этом романе Виктор Олегович не только дал феминистское определение мужчине – «**емразь», не только посвятил откровенно-проникновенные строки представительницам феминистского движения /Ах! Какие женщины! «Перед Таней стоял агрессивно перекачанный мужик в коротких спортивных шортах . (...) Он действительно был перекачан даже по сравнению с другими качками-уродцами, которых Тане пришлось видеть в спортзалах, и напоминал сложную конструкцию из колбас, колбасок и шаров зельца и лоснящейся кожи. (...) А Жизель...(спросила Таня – Т. Л.) – Это я. Я женщина» (с. 165–166). «Я алхимическая женщина. Если хочешь, женщина в третьей степени. Патриархия¹ во мне достигла предела и обрела свою смерть»

¹ Патриархия – власть мужчин.

(с. 171) /; не только изложил (разумеется, в саркастически-мистическом памфлетном жанре) историю феминизма от доисторических времён до наших дней; не только ответил на вечный вопрос о происхождении мира, но и опубликовал *технологию* завоевания женщинами власти в мире. Кратко по порядку.

Во-первых, отнюдь не все феминистки уже достигли третьей степени и внешне подобны Жизели, есть весьма и весьма... Например Кларисса: «На ней был облегающий серебристый комбинезон, который вместе с выбеленными короткими волосами делал её похожей на космолётчицу из кинофантастики семидесятых. Этот наивный ретро-шарм был так неотразим, что Таня только завистливо вздохнула. Всё-таки научиться смотреть на других привлекательных женщин без ревности было неимоверно трудно» (с. 257). Я уже не раз отмечала, что Пелевин прекрасно знает женскую психологию. Но главное, что уже не в первый раз уважаемый Виктор Олегович пытается внедрить в мозг женщин мысль об уникальности её индивидуальности: никаких уступок гнусным требованиям патриархии (90-60-90). Ещё в «Смотрителе» Киж возмущается тем, что последние сто лет женщины стали «совсем безмясье».

Здесь же Пелевин пошёл дальше, вглубь веков, возведя женщину на престол матриархата, доводя до читателя историю мироздания: «Несколько тысяч лет тому назад мезоамериканские женщины, жившие в условиях матриархата и свободы отчётливо установили, что весь мир появляется из женской вагины. Они не спорили с мужчинами, они это знали – и держались за своё знание, как за оружие. (...) Они верили, что женская вагина создаёт не только пространство, но и время». И далее: «...никто толком не знает, что такое время и как оно действует. Этого не понимают даже современные физики. Но охотницы древней Америки (...) постигли, что время возникает из наших месячных» (с. 263).

Какая глубокая философия! Какое постижение тайн мироздания! Правда, чтобы постичь сии глубины, нужно пройти смертельно опасный путь погружения в кратер вулкана Фудзи и победить саму Святейшую Игуану! Любит Виктор Олегович видеть властителей мира (нет не в масонах, хотя они порой тоже фигурируют в его романах), а в представителях животного мира: то Великая мышь, то Змея, и вот, наконец, огромная красная Игуана. Русская женщина, как известно, «коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт». Вот и Таня выходит победительницей Игуаны в борьбе за «смертельную верёвку» – необходимый атрибут феминистки: «Она опустила руку, провела пальцем по тайному ме-

сту – и написала своим соком на грубом коричневом дермантине (двери – Т.Л.): #МЕТОО. Мир ничего не посмел возразить – только испуганно сжался» (с. 288).

Не буду делиться «технологией» завоевания мира женщиной. Не каждая решится пройти путь Тани. Женщина-феминистка, освобождённая от оков патриархии, становится властительницей мира: «Я – МАТЬ ЭТОГО МИРА!» (с. 261).

Но отмечу главное: если олигархи, достигнув просветления в четвёртой джане, не смогли там остаться и вернулись (через тернии, но без звёзд) к своей привычной пошлой жизни пресыщенных мини-властителей своих маленьких мирков, то увы! Пелевин развенчивает и свою героиню, которая столько мытарств прошла, чтобы стать охотницей... В аннотации редактор отмечает, что это «берущая за сердце история *подлинного женского успеха*» (курсив мой – Т. Л.). Во имя чего? Во имя обручального кольца на левом пальце в период «второй свежести» и для того, чтобы «господин Фёдор медленно пополз к ней на коленях»? Мелковато для «матери мира».

Резюмируя эту краткую рецензию – осветить все поднятые в романе вопросы и проблемы не представляется возможным, – следует подчеркнуть, что роман является традиционным для Пелевина: в этой постмодернистской тонкой скани переплетаются фантастика, мистика, оккультизм и религия с историей, современностью и политикой. Жанр романа, повторяю, – это памфлет. Интересный, сочно написанный, познавательный, но *памфлет*. Обещанное в рекламе «Эксмо» удивление читателя, несомненно, присутствует. Но это удивление может вызвать только один аспект: Пелевин попытался стать ближе и доступнее «народу», т.е. массовому читателю, отойдя от бесконечных компьютерных терминов и не заставляя читателя через абзац заглядывать в словари. Это, конечно, удивительно, хотя и приятно.

А вот желание посмеяться, если и возникало у меня, то крайне редко. Рассмешить может ирония, а отнюдь не сарказм.